

Электрические свойства кластеров теллура в подрешетке пустот кристаллов опала. Роль интерфейса Te–SiO₂

© В.А. Березовец^{*,**}, В.Н. Богомолов^{*}, И.И. Фарбштейн^{*}, В.И. Нижанковский^{**}

^{*} Физико-технический институт им. А.Ф. Иоффе Российской академии наук, 194021 Санкт-Петербург, Россия

^{**} Международная магнитная лаборатория, 53-421 Вроцлав, Польша

E-mail: losif.Farbshtein@pop.ioffe.rssi.ru

(Поступила в Редакцию 31 октября 2001 г.)

Исследована температурная зависимость сопротивления и эффекта Холла у нанокластерных кристаллов теллура, полученных путем заполнения пустот диэлектрической матрицы (опал) расплавом чистого и легированного Те. Обнаружено аномальное возрастание холловской концентрации дырок p_{eff} (более чем на два порядка) при охлаждении образца, изготовленного из чистого Те, до гелиевых температур. При $T = 1.45$ К у этого образца $p_{\text{eff}} \cong 6 \cdot 10^{17} \text{ см}^{-3}$. В то же время оказалось, что у этого образца при $T \cong 200$ К происходит смена знака эффекта Холла с положительного при $T < 200$ К на отрицательный при высоких температурах. Это свидетельствует о малой концентрации примеси (N_A по крайней мере $< 10^{15} \text{ см}^{-3}$). В случае нанокластерного кристалла из легированного Те этой аномалии не наблюдается — $p_{\text{eff}} \cong 6 \cdot 10^{17} \text{ см}^{-3}$ во всей области температур, как и в исходном Те. Обнаруженные особенности связываются с появлением при низких температурах двумерного проводящего аккумулирующего слоя в области интерфейса Те — аморфный SiO₂ (материал опала), определяющего низкотемпературные свойства нанокластерного кристалла, изготовленного из чистого Те. Фактически получена модель трехмерной структуры, образованной из двумерной пленки.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 00-02-16894), МНТП ФГНС № 97-1041 и Программы фундаментальных исследований Президиума РАН „Низкоразмерные квантовые структуры“.

Успехи развития технологии выращивания синтетического опала [1] стали основой для создания нового класса полупроводниковых упорядоченных наноструктур: объемно модулированных кластерных кристаллов.

Синтетический опал представляет собой систему силикатных шаров из аморфного диоксида кремния диаметром около 200 нм плотно упакованных в гранецентрированную кубическую решетку. В пустоты между шарами внедряется исследуемый материал. При полном заполнении пустот металлом или полупроводником образовавшаяся проводящая структура представляет собой „нанокластерный кристалл“ — кубическую решетку октаэдрических и тетраэдрических кластеров размером ~ 45 и ~ 85 нм (диаметры вписанных шаров), соединенных между собой углами [2]. Как показали электронно-микроскопические исследования [3], Те, введенный в опал, при охлаждении кристаллизуется в полостях между силикатными шарами в монокристаллической структуре, соответствующей решетке объемного теллура, причем кристаллическая ориентация сохраняется при переходе от одного кластера к другому.

В другой стороны, систему заполненных пустот внутри опала можно представить себе как регулярную структуру типа пчелиных сот, в которой между ячейками имеются отверстия, соответствующие местам контакта силикатных шаров между собой — инвертированная решетка опала [4]. В реальном опале диаметр этих отверстий колеблется в зависимости от технологии изго-

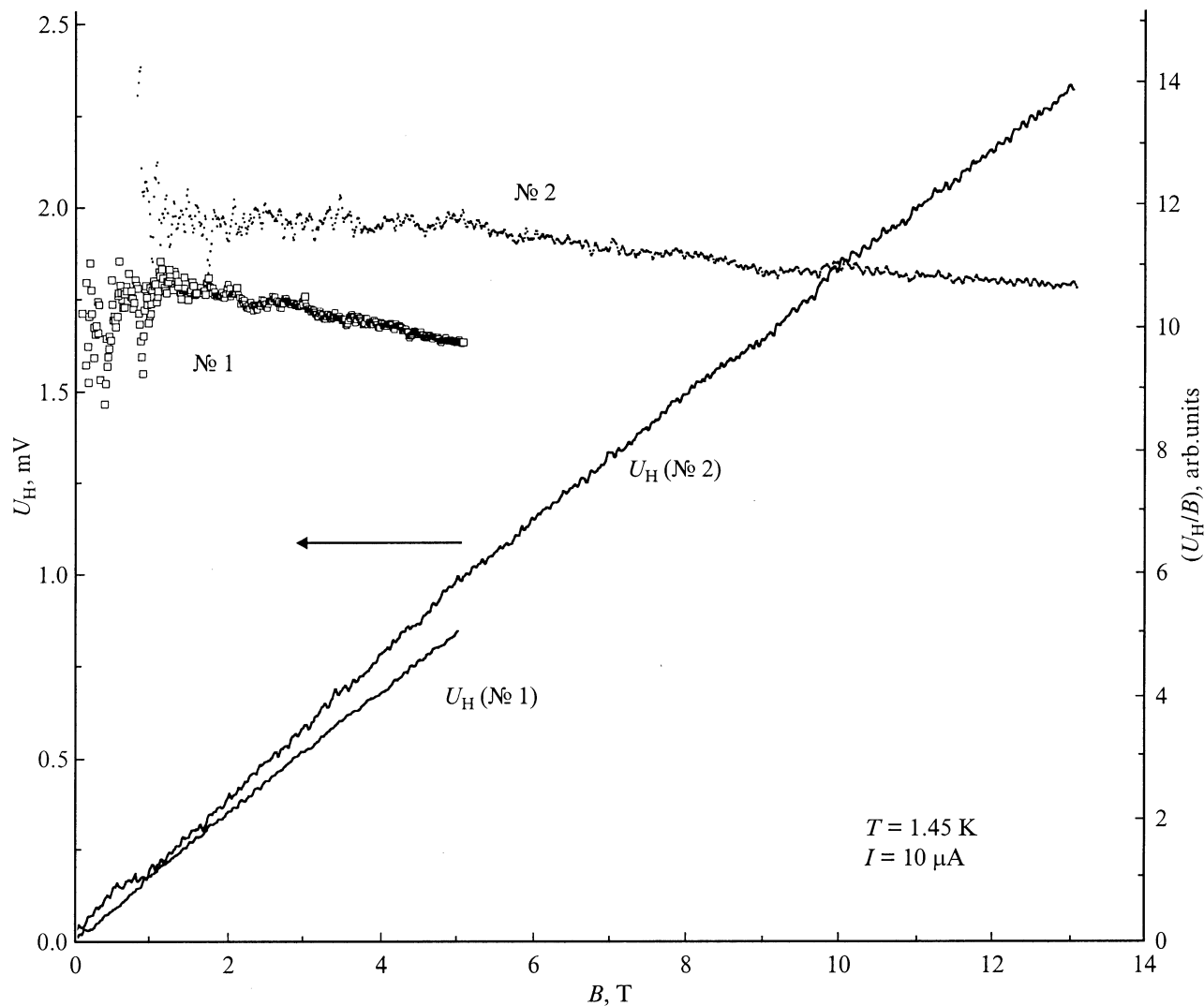
товления. В образце, исследованном в работе [5], он оценен в 2 нм. Таким образом, внедренный в опал материал имеет чрезвычайно развитую площадь контакта с материалом матрицы.

Можно было предположить, что для электрических свойств кластерного кристалла теллура это обстоятельство играет определяющую роль, поскольку известно, что на поверхности кристаллического теллура легко образуется аккумулирующий слой [6].

В данной работе с целью выявления роли интерфейса Те–диоксид кремния для свойств нанокластерных кристаллов теллура впервые проведено исследование сопротивления и эффекта Холла образцов, полученных при внедрении в опал исходного Те разной степени легирования, в широком диапазоне температур и магнитных полей.

1. Эксперимент

Нанокластерные кристаллы получались путем внедрения под давлением в матрицу (синтетический опал) расплавленного чистого Те с остаточной концентрацией дырок $p(77 \text{ К}) \sim 10^{14} \text{ см}^{-3}$ (образец № 1) и легированного Те с $p(77 \text{ К}) \approx 5 \cdot 10^{17} \text{ см}^{-3}$ (образец № 2). В первом случае электронный газ (дырки) в исходном материале не вырожден вплоть до гелиевых температур. Во втором случае при низких температурах ($T < 100$ К) дырки вырождены.

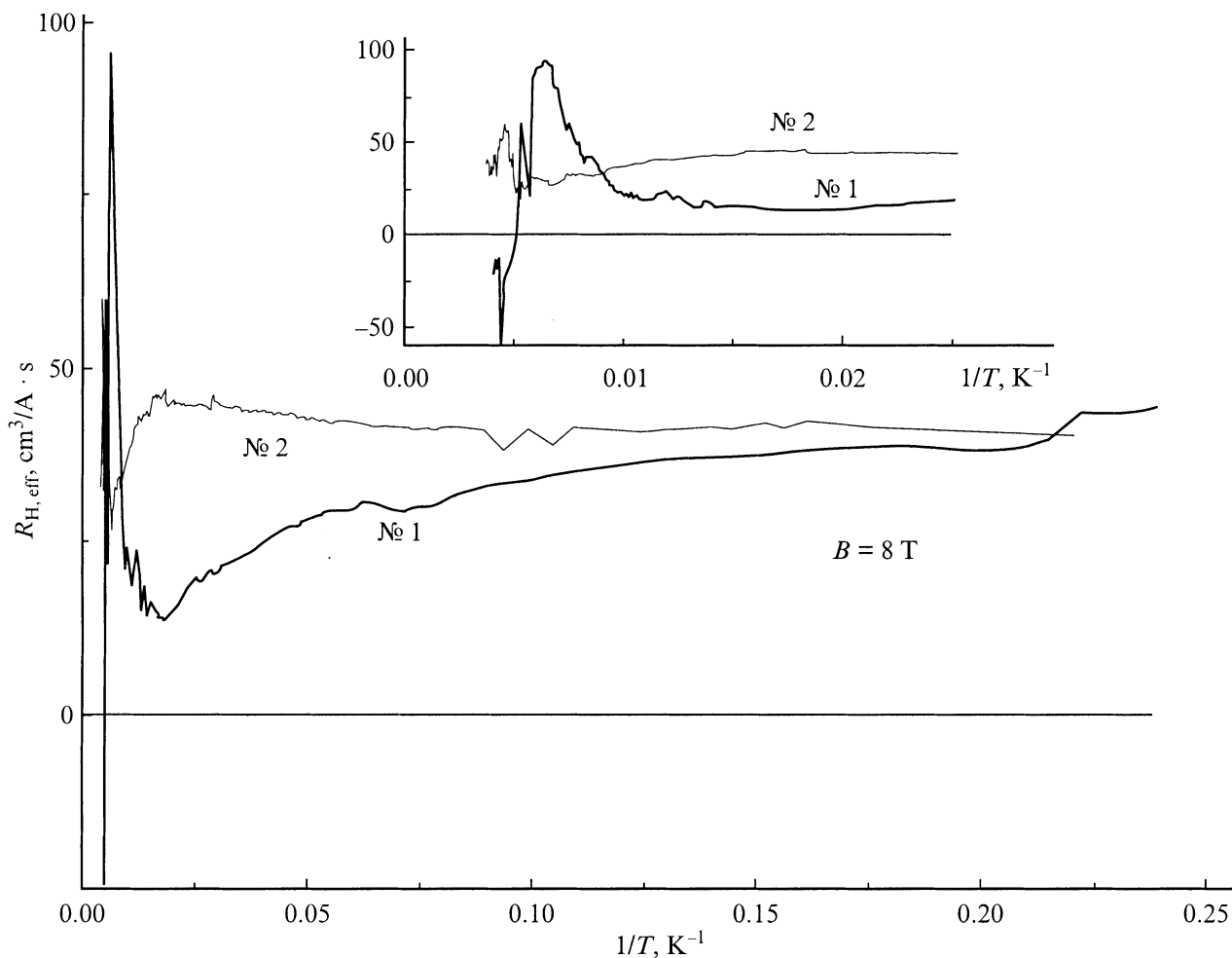

Рис. 1. Зависимости холловского напряжения U_H от магнитного поля при $T = 1.4$ К для образцов № 1 ($U_H(N\ 1)$) и 2 ($U_H(N\ 2)$). Здесь же показана зависимость от магнитного поля отношения $U_H/B \sim R_{\text{eff}}$ для этих образцов.

Образцы для электрических измерений имели форму прямоугольных параллелепипедов с размером $2 \times 3 \times 8$ mm, приготовленных путем механической обработки „кристаллов“ синтетического опала после внедрения в них теллура. Специального ориентирования кристаллографической оси C_3 теллура по отношению к ребрам параллелепипеда не проводилось. Контакты изготавливались путем напыления золота через маску. Обсуждаемые здесь измерения сопротивления и эффекта Холла у кластерных образцов теллура проводились в диапазоне магнитных полей 0–12 Т, при температурах 1.4–300 К на переменном токе частотой 11 Hz. Величина тока не превышала $10\ \mu\text{A}$. Магнитное поле создавалось сверхпроводящим соленоидом, измеряемый сигнал записывался в память компьютера.

Измерения проводились в Международной лаборатории сильных магнитных полей и низких температур, г. Вроцлав, Польша.

На рис. 1 представлены результаты измерений зависимости холловского напряжения U_H от магнитного поля при $T = 1.4$ К для образцов обоих типов. Видно, что измеряемые напряжения примерно линейно зависят от магнитного поля и близки по величине. Вычисление отношения $U_H^{(i)}/B^{(i)}$ (i — номер точки), пропорционального эффективному коэффициенту Холла $R_{\text{H,eff}}$, показало некоторое уменьшение $R_{\text{H,eff}}$ с ростом магнитного поля (рис. 1). Следует отметить, что абсолютная величина $R_{\text{H,eff}}$ заметно отличается от микроскопического значения для объемного теллура в кластерах не только вследствие геометрического отличия размеров образца от суммарного размера кластеров Te (коэффициент заполнения), но также за счет топологических свойств кластерной подрешетки Te в пустотах опала и за счет влияния интерфейса Te–SiO₂ на проводимость, о чем речь пойдет далее. При оценочном расчете эффективной концентрации дырок p_{eff} учитывался только коэффициент заполнения ($\sim 25\%$ от объема образца).

Рис. 2. Зависимость эффективного коэффициента Холла $R_{H,eff}$ для образцов № 1 и 2 от обратной температуры. Измерения проведены при $B = 8$ Т.

Эксперимент показал, что при $T = 1.45$ К p_{eff} примерно одинакова для обоих образцов и составляет $\sim 5.5 \cdot 10^{17} \text{ cm}^{-3}$ (усредненные по магнитному полю значения при 1.45 К: $p_{eff} = 6.11 \cdot 10^{17} \text{ cm}^{-3}$ для образца № 1 и $5.23 \cdot 10^{17} \text{ cm}^{-3}$ для образца № 2). Отсюда можно было бы сделать вывод, что при технической реализации жестких технологических параметров внедрения Те в опал (температура $T \sim 600^\circ\text{C}$ и гидростатическое давление $P \sim 3 \text{ kbar}$) происходит сильное „загрязнение“ исходного материала (степень легирования чистого материала увеличивается на три порядка). Однако этот вывод оказался неверным. Контрольные измерения R_H на остатках исходного материала, извлеченных из камеры высокого давления, показали, что концентрация дырок у нелегированного исходного Те возросла всего до $p(77 \text{ K}) \sim 10^{15} \text{ cm}^{-3}$.

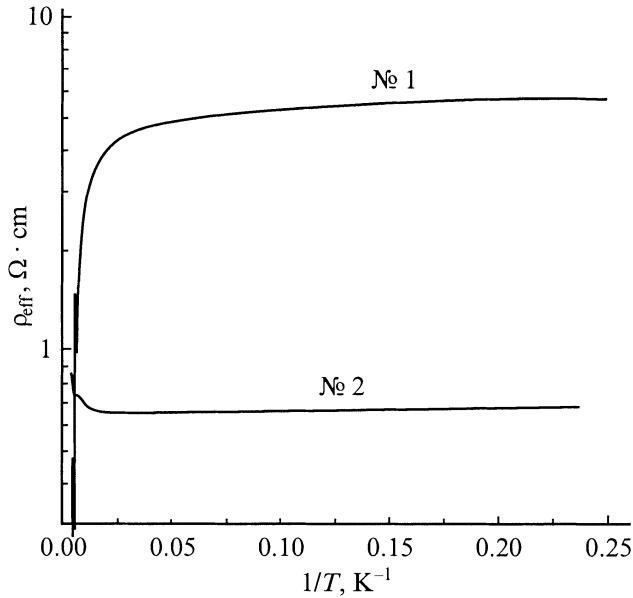
На рис. 2 представлены температурные зависимости $R_{H,eff}(1/T)$, измеренные в магнитном поле 80 Т для обоих образцов. У образца № 2 значение $R_{H,eff}(77 \text{ K})$ приводит к величине $p_{eff} \approx 5 \cdot 10^{17} \text{ cm}^{-3}$ и слабо меняется вплоть до комнатных температур. В случае

образца № 1, изготовленного из чистого Те, $R_{H,eff}$ ниже 10 К практически совпадает с значением $R_{H,eff}$ у образца № 2. Однако при повышении температуры образца № 1 происходит инверсия знака $R_{H,eff}$ при температуре $T_{in} \approx 200$ К с „положительного“ при $T < T_{in}$ на „отрицательный“ при $T > T_{in}$.

Температурная зависимость эффективного удельного сопротивления (ρ_{eff}) для обоих образцов показана на рис. 3. В то время как зависимость $\rho_{eff}(T)$ у образца № 2 имеет металлический характер (монотонно возрастает с увеличением температуры), у образца № 1 ρ_{eff} уменьшается с увеличением температуры.

2. Обсуждение

Эффект изменения знака $R_{H,eff}$, обнаруженный у образца № 1, типичен для полупроводников p -типа с малой концентрацией акцепторных центров N_A и свидетельствует о переходе с повышением температуры в область смешанной проводимости — термическом

Рис. 3. Измеряемое удельное сопротивление (ρ_{eff}) для образцов № 1 и 2 в зависимости от обратной температуры.

возбуждению электронов с подвижностью u_n , большей, чем подвижность дырок u_p .

По температуре инверсии коэффициента Холла можно независимым образом определить N_A , не используя абсолютных значений электрических характеристик полупроводника. В случае кластерного кристалла такая процедура приобретает особый смысл, так как результат не зависит от топологических особенностей объекта.¹

В общем случае величина и знак коэффициента Холла $R(H)$ зависят от вклада в проводимость в магнитном поле проводимости всех имеющихся групп носителей заряда

$$R(H) = \frac{\sigma(H)_{xy}^2}{\sigma(H)_{xx}^2 + \sigma(H)_{xy}^2}, \quad (1)$$

где $\sigma_{xy} = \sum \sigma_{xy}^i$, $\sigma_{xx} = \sum \sigma_{xx}^i$.

В магнитном поле, стремящемся к нулю, выражение (1) для стандартной модели зонного спектра можно представить в виде

$$R = -\frac{A}{ec} \frac{n \cdot u_n^2 - p \cdot u_p^2}{(n \cdot u_n + p \cdot u_p)^2}, \quad (2)$$

где u_n и u_p — подвижность электронов и дырок соответственно, n и p — их концентрации, A — коэффициент порядка единицы, зависящий от механизма рассеяния и вида статистики.

Условие равенства нулю коэффициента Холла

$$p/n = (u_n/u_p)^2 = b^2 \quad (3)$$

¹ Приближенный учет топологических особенностей нанокластерного кристалла при определении микроскопических характеристик может быть проведен в рамках упрощенной геометрической модели, например типа шаров, связанных цилиндрическими каналами [2], при одновременном измерении сопротивления, эффекта Холла и магнетосопротивления в слабом магнитном поле.

совместно с уравнение нейтральности

$$(p + N_A)n = n_i^2,$$

$$n_i^2 = n \cdot p = (N_c N_v)^3 \cdot T^{3/2} \exp(E_g/2kT) \quad (4)$$

позволяет определить концентрацию ионизованной акцепторной примеси N_A при температуре инверсии коэффициента Холла. В этой модели для теллура при $T_{\text{in}} = 200$ К расчет дает: $N_A \cong 1.8 \cdot 10^{14} \text{ cm}^{-3}$. Здесь использовались значения $u_n/u_p \cong 1.6$ и $m_n^* m_p^* = 0.076 m_0^2$ [7]. Отметим, что в монокристаллических образцах Те с концентрацией $p(77 \text{ K}) \cong 1 \cdot 10^{14} \text{ cm}^{-3}$ смена знака $R(T)$ действительно происходит при $T_{\text{in}} \cong 200$ К (см., например, [8]).

Полученное значение N_A соответствует остаточной концентрации дырок $p(77 \text{ K})$ в исходном материале и находится в противоречии с результатами низкотемпературных измерений, представленными на рис. 1. Это позволяет сделать качественный вывод, что в случае нелегированного исходного материала измеряемая величина $R_{\text{H,eff}}$ при низких температурах (рис. 1), не соответствует концентрации трехмерных (3D) дырок в объеме кластеров Те.

В кластерном кристалле Те, изготовленном из сильно легированного материала, такого явления не наблюдается. В этом случае, как и следовало ожидать, $R_{\text{H,eff}}$ практически не зависит от температуры вплоть до 300 К. Это естественно, так как при больших значениях N_A инверсия коэффициента R_{H} происходит при более высоких температурах.

В качестве модели, примиряющей столь противоречивые результаты, предлагается следующее.

Известно, что на свободной поверхности монокристаллического теллура всегда существует тонкая ($\sim 2 \text{ nm}$) пленка естественного окисла теллура TeO_2 . Это диэлектрик с большой шириной запрещенной зоны. Именно из-за существования интерфейса $\text{Te}-\text{TeO}_2$ на поверхности Те формируется область толщиной порядка 10 nm с повышенным содержанием свободных двумерных (2D) дырок (размерно квантованный аккумулялирующий слой (АС)) [6]. Концентрация дырок в АС, определяемая по эффекту Шубникова-де Гааза, составляет примерно 10^{12} cm^{-2} (в пересчете на трехмерный объем $p \approx 10^{18} \text{ cm}^{-3}$), а подвижность 2D-дырок почти на порядок превышает подвижность дырок в объеме [9]. Если контакт $\text{Te}-\text{SiO}_2$ (опал) приводит к результату, аналогичному случаю $\text{Te}-\text{TeO}_2$, то в интерфейсе $\text{Te}-\text{SiO}_2$ должен также сформироваться слой с повышенной концентрацией дырок. Учитывая, что кластерный кристалл имеет исключительно развитую границу $\text{Te}-\text{SiO}_2$, легко прийти к выводу, что при гелиевых температурах основной вклад в электропроводность и эффект Холла вносят носители заряда в АС. В этом случае измеряемое при низких температурах значение $R_{\text{H,eff}}$ в соответствии с (1) содержит вклады 2D-дырок в АС и 3D-дырок в объеме кластеров, так же как это происходило в объемных образцах Те с АС на поверхности [6]. С ростом температуры и переходом

в область смешанной проводимости происходит рост концентрации свободных носителей (в первую очередь, электронов), радиус экранирования быстро уменьшается и АС исчезает. Поэтому при $T > 100$ К мы имеем дело уже с объемной проводимостью, для которой коэффициент Холла описывается выражением (2). В кластерном кристалле Те из сильно легированного материала АС не образуется совсем, поскольку изначально радиус экранирования для легированного Те мал и поверхностный слой не содержит разрешенных состояний.

В рамках предложенной модели находит свое объяснение и различие температурной зависимости удельного сопротивления $\rho(T)$ у исследованных образцов (рис. 3). $\rho(T)$ образца № 1 имеет полупроводниковый характер с переходом к собственной проводимости при высоких температурах, а образец № 2 из-за сильного вырождения электронного газа ведет себя как „грязный“ металл. Таким образом, можно сделать заключение, что основной вклад в гальваномагнитные эффекты при низких температурах в образце из легированного Те вносят 3D носители заряда, а в „чистом“ — 2D-дырки в АС на интерфейсе Те–SiO₂. Наблюдаемое при низких температурах значение $R_{\text{эф}}$ в образце № 1 в соответствии с (1) определяется суммой $\sigma_{xy}(2D) + \sigma_{xy}(3D)$ и отражает в основном концентрацию 2D-дырок в АС.

В пользу двухгрупповой модели проводимости кластерного кристалла Те при гелиевых температурах говорит и упомянутое выше некоторое уменьшение $R_{\text{Н,эф}}$ с ростом магнитного поля (рис. 1). Действительно, в соответствии с соотношением (1) возрастание магнитного поля приводит к уменьшению относительного вклада в σ_{xy} группы быстрых носителей заряда и соответственно к уменьшению $R_{\text{эф}}$. Такой группой для образца № 1 являются 2D-дырки. В образце № 2 роль второй группы играют, по-видимому, дырки в областях с размерами, сравнимыми с размерами их волновой функции, но значительно меньшей подвижностью.

Сильно развитая поверхность кластерных кристаллов Те в матрице опала приводит к тому, что основным механизмом рассеяния носителей заряда в них является рассеяние на границе Те–SiO₂. Оценка подвижности дырок в исследованных образцах дала следующие результаты: $u_{\text{эф}}(\text{№ 1}) = 10 \text{ cm}^2/\text{V} \cdot \text{с}$, $u_{\text{эф}}(\text{№ 2}) = 100 \text{ cm}^2/\text{V} \cdot \text{с}$. Такой низкой подвижности в Те до сих пор не наблюдалось. О граничном механизме рассеяния говорит и тот факт, что в „грязном“ образце подвижность на порядок больше, чем в „чистом“, в котором электропроводность определяется интерфейсными носителями заряда.

Интерфейс или тонкая прослойка модифицированного теллура между подрешеткой октаэдрических и тетраэдрических кластеров теллура и сферами аморфного SiO₂, составляющими решетку опала, образует „interface bubble lattice“. Ранее, в работе [10] описана „Silicon bubble lattice“, полученная нанесением Si на внутреннюю поверхность опала. В нашем случае физические свойства такой „interface bubble lattice“ определяются как контактными эффектами между подрешеткой

Те и SiO₂-сферами, так и симметрией решетки опала и его трехмерной объемной реплики (подрешетки Те). В случае *n*- и *p*-кластерных подрешеток интерфейс будет представлять собой *p*–*n* переход большой площади — супер-выпрямитель или супер-конденсатор [11].

Список литературы

- [1] В.Г. Балакирев, В.Н. Богомолов, В.В. Журавлев, Ю.А. Кумзеров, В.П. Петрановский, С.Г. Романов, Л.А. Самойлович. Кристаллография **38**, 3, 111 (1993).
- [2] В.Н. Богомолов, Т.М. Павлова. ФТП **29**, 5, 826 (1995).
- [3] В.Н. Богомолов, Л.М. Сорокин, Д.А. Курдюмов, Т.М. Павлова, Дж. Хатчисон. ФТТ **39**, 11, 2090 (1997).
- [4] С.М. Sotomayor Torres, Т. Maka, М. Müller, R. Zentel, S. Romanov. Proc. 8th Int. Symp. „Nanostructures: Physics and Technology“. St. Petersburg, Russia (2000). P. 224.
- [5] В.Н. Богомолов, Л.С. Парфеньева, И.А. Смирнов, Х. Михорек, А. Ежовский. ФТТ **43** (2002) (в печати).
- [6] В.А. Березовец, И.И. Фарбштейн, А.Л. Шеланков. ФТТ **25**, 5, 2988 (1983).
- [7] М.В. Глушков, Е.С. Ицкевич, Ю.В. Косичкин, А.И. Надеждинский, А.Н. Толмачев, А.М. Широков. ЖЭТФ **71**, 9 1239 (1976).
- [8] H. Roth. J. Phys. Chem. Solids **8**, 525 (1959).
- [9] В.А. Березовец, И.И. Фарбштейн. ФТП **29**, 5/6, 965 (1995).
- [10] V.N. Bogomolov, N.F. Feoktistov, V.G. Golubev, J.L. Hutchison, D.A. Kurdyukov, A.B. Pevtsov, J. Sloan, L.M. Sorokin. Inst. Phys. Conf. Ser. N 164, 533 (1999).
- [11] V.N. Bogomolov. Phys. Rev. **B51**, 23, 17040 (1995).